

НИКОЛАЙ БЕРБЕЦ

---

# Малыш



Николай Бербец

**Малыш**

«Издательские решения»

**Бербец Н.**

Малыш / Н. Бербец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748638-9

Малыш — это имя, которое Человек дал Псу, которого спас. И рассказ, входящий в сборник, повествует об их трогательной дружбе.

ISBN 978-5-44-748638-9

© Бербец Н.  
© Издательские решения

## Содержание

Погуляли...	6
Запах сирени	11
Звёздное небо	14
Измена	18
Неосторожная откровенность	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

# **Мальш**

# **Николай Бербец**

© Николай Бербец, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Погуляли...

На лестничной клетке было шумно. Аржанов раздражённо встал с постели, и направился к входной двери. Жена укладывала внука, и этот шум раздражал их обоих.

Аржанов был молодым дедушкой, и Влад был его первым и обожаемым внуком. И всякое покушение на его комфортное состояние вызывало в Аржанове агрессию. Не то, чтобы он был злым человеком, наоборот, в отношениях с людьми он был мягок и тактичен. Но когда речь шла о сознательном нарушении порядка с чьей-либо стороны, это вызывало в нём сильное неудовольствие.

С лестничной клетки вновь послышался шумный и грубый разговор. К соседу на верхнем этаже пришли друзья-собутельники. Видимо им оказалось мало места в квартире, и они устроили праздничный демарш на лестничной клетке. Аржанов уже не один раз имел с ними нелицеприятный разговор, но, похоже им было всё равно. Каждый раз они смотрели на него пьяными наивными глазами и делали вид, что ничего плохого не происходит. И твердили, что они будут вести себя тихо. Но через минуту начинали шуметь ещё громче.

Аржанов сегодня устал, он пришёл с рейса, и ему хотелось покоя и тишины. Он работал дальнобойщиком, и считал, что имеет право на отдых. Самое интересное, что ему порою не мешал отдыхать даже шум перфоратора на верхнем этаже, где один из соседей делал ремонт. Не мешала семья, когда надо было отдохнуть днём перед рейсом. Но вот этот пьяный галдёж вызывал в нём моментальную непреодолимую ненависть. Потому как шум был праздным и хамским. Вся эта компания нигде не работала и праздновала каждый день. Ему приходилось напрягаться, работать, порою преодолевая себя, а эти молодые пьянчуги позволяли себе жить, не утруждаясь.

Несколько лет назад Аржанов попал в аварию. Он отказывался от того рейса, потому что не отдохнул от предыдущего. По сути его направили из рейса в рейс, да ещё и в ночь. Он дорожил работой, и не смог ругаться. Его поставили перед фактом, что это необходимо. Сейчас, спустя несколько лет, он понимал, что в любом случае мог бы тогда отказаться. Но сыграл роковую роль человеческий фактор. Не хотелось обижать Петровича, а уж портить с ним отношения, даже ненадолго, тем более. Аржанов всегда хорошо относился к своему начальнику. Рейс был в Финляндию. По Питерским меркам ехать надо было не так далеко, и он решил, что если будет трудно, то он где-нибудь остановится и подремлет. За все годы своей работы у него не было случая, чтобы он попал в аварию, или грубо нарушил правила.

Но так случилось, что в этот раз он попал в серьёзную аварию. Виновниками аварии были другие, но он всё равно корил себя за то, что не смог среагировать хотя бы на одну секунду быстрее.

Ему переломало три ребра, и обе ноги превратились без малого в месиво. Всё же он считал, что ему тогда повезло. Он очень быстро оказался в руках финских врачей. Они вскрыли ему обе ноги вдоль, через коленные чашечки, и, с помощью штырей и разных приспособлений, слепили ему ноги. Спустя год он смог нормально ходить и даже снова сел за руль, и только страшные широкие продольные шрамы на ногах напоминали о той аварии.

Конечно, он чувствовал осложнения после аварии. Но изначальное природное здоровье помогло ему несколько лет прожить без серьёзных последствий, и необходимости обращаться к врачам. Произошло повышение сахара в крови, но он обходился без лечения. И вот, по прошествии почти десяти лет, стало резко падать зрение, и пришлось делать операцию на правом глазу. Операция оказалась одновременно и успешной и не очень. Ему нужна была спокойная работа. При хорошей физической нагрузке или нервозности Аржанов начинал хуже видеть.

Шум на лестничной площадке усилился. Аржанов вышел поговорить с гостями соседа. Гостей было четверо: родственник соседа, молодой спивающийся парень, его друг, неопрятный

молодой человек, и двое незнакомых явно спившихся грязных и заросших людей неопределённого возраста. Они вели себя вызывающе. Аржанов предложил им уйти. На что последовала матерная брань. Аржанов не понял, из чьих уст это прозвучало, но почувствовал вдруг прилив ярости. И в следующее мгновение неожиданно для себя, ударил ближайшего в челюсть. И уже в следующую секунду нанёс, стоящему с ним рядом, удар босой ногой в грудь. Через минуту в подъезде никого не было. Аржанов отыскал слетевший с ноги тапок, и зашёл в квартиру. На вопрос жены, что там за шум был в подъезде, он ответил уклончиво. И уже засыпая, с удовлетворением подумал, что армейская школа – она на всю жизнь...

Были белые ночи. И компания в такое время нередко гуляла до утра, отсыпаясь днём. Деньги на выпивку разными путями брали в семьях. Тесёмову помогал отец, давно махнувший на него рукой. Долгое время он ещё пытался бороться, однажды он даже сломал в ярости Тесёмову руку, пытаясь удержать его дома, и наставить на путь истинный. Но потом увидев, что ничто не получается, отвернулся от сына, и всю энергию направил на семью дочери. А сыну просто выделял некий паёк. Тесёмова это устраивало. Особого интереса к жизни он не испытывал. Пить, сидеть на лавочке полночи, болтая ни о чём, и не заботиться о будущем, было ему по душе. Однажды, глядя на соседку, выгуливавшую своего пса, он подумал, что смог бы быть хорошей собакой. Жить инстинктами, и быть ухоженным, было пределом его мечтаний. Отчего так, он не знал.

Тесёмов сопел, и прикладывал платок к кровившему носу. Его дружок, Далимов, грязно ругался, потирая ушибленную грудь. Они шли по направлению к лавочкам, на которых привыкли по вечерам пить пиво. Их хорошо подвыпившие дружки плелись рядом. Один из них в помятой, надвинутой на глаза кепке, переступая через бордюры, неожиданно споткнулся, и замешкался. Другой, высокий, с помятой, давно не бритой физиономией, худощавый мужик, поглядывая на него, похихикивал. И, приподняв голову, вдруг заорал: «Ни фига себе».

Все четверо от неожиданности замерли. Привычных, стоявших параллельно друг другу двух лавочек не было на месте. Они огляделись вокруг, и обнаружили их вдалеке, почти у самой мусорки. Тесёмов грязно выругался. Вечер был явно испорчен. Лавочки были отличными из бетона, и только верх был зашит деревянными рейками. Тот, кто унёс их отсюда, был силен и сильно рассержен, потому что таскать такую тяжесть от нечего делать никто не станет.

Тесёмов посопел, и предложил пойти в гости к Фёдорову в соседний подъезд. Один из спутников предложил посидеть у подъезда, но Тесёмов не согласился. Если уж они стали кому-то мешать, располагаясь вечерами на лавочках, через дорогу от дома, то у самого подъезда они рисковали нарваться на кого-нибудь.

«Суки», – прокричал один из дружков в мятой кепке. «Заткнись», – сказал Тесёмов. «Чё», – ехидно спросил тот – «боишься ещё получить в морду?» Тесёмов молча и несильно ткнул его кулаком в пах. И также молча направился к соседнему подъезду.

Фёдоров был дома, и хорошо навеселе. Он без проблем пустил всех четверых в квартиру. Они прошли в комнату, расселись за большим круглым столом. Стол был старый, и неоднократно отремонтированный. И Фёдоров каждый раз привычно говорил при случае одну и ту же фразу: «На столе не лежать. Завалится, убью!» На несвежей скатерти стола была немудрёная закуска: хлеб, немного колбасы, какая-то зелень, и начатая бутылка самогона, настоящего на боярышнике. Самогон Фёдорову поставляла бабка, безвылазно жившая на даче. Он всё время хвалился, что помогает ей, но на самом деле, ездил на дачу к бабке только по необходимости: за зеленью и за самогоном, который бабка гнала исключительно для себя, по только ей известной технологии, и настаивала его на травах и ягодах. И, может быть только благодаря этому, Фёдоров, который был старше остальных в компании, и пил не меньше других, выглядел более осмысленным и аккуратным. Остальные, особенно те двое, имена которых Фёдоров не знал, выглядели сильно помятыми, и опустившимися.

Фёдоров достал пластмассовые кружки, и налил каждому его долю. Он любил, чтобы выпивка была обставлена, как праздник, поэтому каждому поставил тарелку. Фёдоров любил поговорить, и любая выпивка заканчивалась у него спором. Все присутствующие, его привычки знали наизусть, и поэтому помалкивали, давая ему выговориться.

«У меня всё есть», – начал свою речь Фёдоров. «А почему?», – спросил он, обведя взглядом присутствующих. Все знали, что будет произнесено дальше, но Тесёмов, желая скорее выпить, поспешил спросить: «А почему?» «Потому что я мужик!» – сразу ответил Фёдоров. «Вот за это и выпьем», – поспешил вмешаться кто-то. «Подожди», – сказал Фёдоров, – «тут ещё надо разобраться». Все приуныли: быстро выпить не получалось.

Фёдоров начал рассказывать о том, что все уже давно знали. И в первую очередь о его отношениях с бабкой, и с бывшей женой. Бабку Фёдоров выжил на дачу, где она и проживала круглогодично, обеспечивая его овощами, фруктами, зеленью и самогоном. А квартиру, оставленную бабкой, Фёдоров сдавал, что и позволяло ему не работать. Та квартира, в которой он жил, осталась от родителей. Бывшую жену он выставил в своё время из квартиры ни с чем. Детей у них не было, и, будучи человеком неконфликтным, она судиться не стала.

«Какой же ты мужик?» – сказал Тесёмов, – «обобрал всех, и рад». «Зато у меня всё есть», – отвечал Фёдоров. «А вы, дураки, будете бомжами, или будете горбатиться на кого-то за копейки. Потому что добрые очень. А я, если хочешь знать, за деньги и убить могу». «Посадят ведь», – сказал Тесёмов. «Так и отсижу», – ответил Фёдоров, – «зато и погуляю».

Наговорившись, Федоров предложил выпить. Пили жадно, молча, и мало закусывая. В какой-то момент Фёдоров сказал: «Всё, хватит. Теперь каждый своё. Или несите что-нибудь, или проваливайте».

Было за полночь, и все пьяно и вяло засеменили к выходу. Тесёмов же решил остаться. Фёдоров его никогда не выгонял. И тот приспособился частенько спать у него на диване. Когда все разошлись, на столе появилась ещё одна бутылка, немного сыра, и свежая зелень. Фёдоров налил немного самогона по кружкам, и они продолжили застолье. Несмотря на разницу в возрасте (Фёдоров был старше на пятнадцать лет), они многим делились друг с другом. И сейчас Фёдоров был рад тому, что Тесёмов остался. У него была тайна, о которой он никому не рассказывал долгие годы, и которая сегодня жгла ему сердце. И ему просто невыносимо стало держать её в себе.

Они выпили, и Фёдоров лихорадочно подыскивал слова, с которых он мог бы начать свой рассказ и, ничего не придумав, начал, как говорится, в лоб. «Сына вчера встретил», – сказал он. Тесёмов ошарашено посмотрел на него. О том, что у Фёдорова есть сын, он никогда не слышал. «Двенадцать лет пацану», – продолжил Фёдоров, – «никогда с ним не общался. Так издали смотрел. А с дачи приехал, к дому иду от остановки, смотрю он... Прикинулся, что мне плохо, и попросил донести сумки до подъезда. Вежливый он такой. И спасибо, и пожалуйста, может вам скорую вызвать. Думаю, себе, вот ведь не мужика, а бабу воспитали. Да по виду не скажешь – крепкий такой. Сказал на борьбу ходит. И сумки донёс играючи. Так я вчера полдня в себя прийти не мог. Никогда детей не хотел. А тут тоска взяла, что нет у меня семьи. А сегодня успокоился и думаю, что хорошо, что у меня семьи нет. Свобода для мужика главное. А всего главнее деньги».

«А, правда, что за деньги убьёшь?» – спросил Тесёмов. «Правда», – как-то буднично ответил Фёдоров, – «и начну с бабки соседки. Достала она меня, сил нет. Одно нравоучения читает. А сама голубей на балконе кормит. Батон покупает, и крошит им кусками, как курам. А они потом везде гадят. Они и мне весь балкон изгадили. Предлагает мне балкон зашить, если мне это не нравится. Она, видите ли, на своём балконе кормит. Так я ей рот зашью, чтоб не умничала. Переступлю через перила, и буду в квартире. Дверь она балконную на ночь не закрывает, так что придушу её гадину. А лучше зарежу». Фёдоров сходил в другую комнату, и принёс нож. «Гляди, что на днях нашёл», – сказал он, – «нож самодельный. Рукоятка

наборная, из разноцветного пластика. Мусор выносил, гляжу, что-то в тряпочке завернутое на асфальте возле контейнера лежит. Развернул, и вот тебе нож. И лезвие хорошее, острое».

Тесёмов затих и напрягся. «Ты чего, всерьёз всё это?», спросил он. «А чего?», ответил Фёдоров, – «у меня и причина есть, и интерес». Тесёмов засобирился домой. «Да, не дури», – сказал Фёдоров, – «я пошутил». «И сам ты дурак, и шутки у тебя дурацкие», – угрюмо произнёс Тесёмов.

Они снова выпили, и успокоились. И Фёдоров, наконец, начал рассказ о своём сыне.

Речь пошла о семейной паре, дача которых была недалеко от бабкиной, и Тесёмову даже показалось, что он знает о ком идёт речь. Да и мальчишку, похоже, он однажды видел. Фёдоров сначала сбивался, не мог перейти к сути рассказа. Рассказывал о каких-то мелочах бабкиного быта на даче, и что ему там не очень нравится, и, наконец, повёл свой рассказ плавно, и даже романтично. Тесёмов сначала слушал расслаблено, невнимательно, но потом тоже увлёкся, и не мешал рассказчику.

Если же опустить детали знакомства Фёдорова с уже известной нам семейной парой, то остальная часть его рассказа, прозвучала так:

«Пригласили они меня к себе на шашлыки. Я это дело всегда любил. У них мясо индюшки было уже замариновано. Я сам мангал наладил. Когда дрова прогорели, и хороший жар появился, такие шашлычки подрумянил, что загляденье одно. Мужик то сначала возле меня вертелся, а потом пропал. А жена его всё время рядом. Норовит что-то подать, поднести. А сама в таком лёгком платьице, и одно зачем-то наклоняется. То груди её увижу, то ноги. И жаром от неё меня обдаёт как от мангала.

Расположились на веранде. Дача у них хорошая, ей от родителей досталась. Всё удобно, всё красиво. Хозяин бутылку вина на стол поставил. А я скривился, говорю: «Знал бы, с собой водки принёс». А он и говорит: «Я сейчас привезу». А я удивился, стал отговаривать. А он всё равно ушёл, типа ему ещё и по делам куда-то надо. А мы выпили, шашлычка поели, и пригласила она меня в дом, потом куда-то пошла и переоделась, вышла в каком-то сарафанчике прозрачном. О чём-то меня спрашивает, а я ничего не понимаю. Пялюсь на неё во все глаза. А она села напротив меня, и так, как бы невзначай полу халатика отбросила, и вижу я, что на ней трусиков нет. И тут я на неё и набросился. А она кричит, как сумасшедшая: «Да, да, да». И подо мной извивается, и помогает мне всем телом. Я потом во всю жизнь такого возбуждения не испытывал. Будто опоили меня чем-то. А потом как отрезала: «Всё говорит, уходи. Скоро муж придёт». Ну, думаю, ладно. Жизнь не заканчивается, в другой раз приду.

Да только с того времени прятаться она от меня стала. Долго я за ней охотился. Но выследил, когда она на даче одна была. И сразу к ней. А она к себе не подпускает. Вся зажимается, отбивается. И одно бормочет: «Хочешь убить – убей. Но не тронь. Я мужа люблю». Такая меня злость взяла, что за малым чуть не избил её. Еле успокоился. Нашёл выпивку, выпил. «Рассказывай», – говорю, – «что за игры такие садистские». А она прощения просить начала, расплакалась. И выяснилось тут, что заговор они против меня с мужем придумали. Детей у них быть не может из-за него. А искусственно оплодотвориться хлопотно и дорого. Вот они меня и выбрали для оплодотворения. «Ах, ты гадина», – говорю ей, – «что ж я тебе бык производитель, что ли. Я же тебе поверил. Я же о тебе мечтать начал. Я же тебя боготворить хотел». «Ребёночка хочу», – молвит. «Могли бы дачу продать», – говорю. «Дача ребёночку полезна будет», – отвечает. Ну, всё просчитали, сволочи. Такой меня псих накрыл. А она опять за своё: «Хочешь убить – убей, только не кричи. Беременна я». Тут меня как кипятком ошпарило, разом успокоился, потому, как до семейной жизни никогда охочим не был. Я и о ней-то мечтал, как о любовнице. Чтобы прибежать, когда мужа нет, порезвиться в охотку, и снова на свободу. Видать правильно они меня вычислили».

«Что теперь делать будешь?» – спросил Тесёмов. «А что и раньше», – ответил Фёдоров, – «меня моя жизнь устраивает. А тебе рассказал, потому что в себе держать трудно стало, да и знаю, что ты не болтун».

Они ещё посидели, выпили, и уже собрались идти спать, когда позвонил отец Тесёмова. И это означало, что случилось что-то серьёзное. Потому что в последнее время он практически не общался с сыном. «Что-то матушке плохо», – сказал Тесёмов, – «скорую вызвали. Домой пойду». Фёдоров встал проводить его. Уже выходя из комнаты, Тесёмов глянул на часы, висевшие на стене. Было полпятого утра...

Аржанов проснулся от очень тревожного чувства. Часы показывали пять часов утра. Он встал, подошёл к приоткрытому окну, прислушался. Во сне он отчетливо услышал крик. Это был глубинный, горловой, исходящий из животной природы человека крик. «Может, приснилось?», – подумал Аржанов, и уже успокаиваясь, прилёг, и через время заснул. Проснулся он вновь от крика. Не было ещё и семи утра. Под окнами соседнего подъезда кричал молодой парень. Он метался на одном месте, хлопал себя по бокам и кричал во всё горло. «Ааааа... Ааааа... Ааааа... Кто это сделал?» И этот крик был бесконечным. Проснулась жена Аржанова, и, выглянув в окно, сказала: «Это внук, той сухощавой бабки из соседнего подъезда. Он её очень любит. Чуть ли не каждый день проводывает. Видать что-то с ней случилось». «Это не та бабка, что всё время голубей кормит на детской площадке?», – спросил Аржанов. «Ну, да», – ответила жена, – «внучка у неё ещё гулёна». Парень продолжал кричать, и голос с одного из балконов соседнего подъезда ответил ему: «Это я убил твою бабку. Будешь орать, и тебя убью». «Давай, иди, убей», – истерично закричал парень. И снова, забывшись, стал безостановочно орать, хлопая себя по бокам. Вскоре приехала полиция. И парень стал кричать тише. Но окончательно успокоиться не мог. Когда он забывался и начинал кричать громче, один из полицейских одёргивал его.

Через несколько дней, вынося мусор, Аржанов опешил от увиденной им картины. Мимо подъезда проезжали жигули, на капоте которого сидела девка. Откинувшись назад, она сладострастно повизгивала. Её левая грудь обнажилась почти до самого соска, лёгкое платьице задралось, обнажив упругие красивые ноги. Явно что-то случилось в её жизни, что наполняло её такой степенью радости и сладострастия.

Аржанов рассказал жене о виденном. Жена оказалась более осведомлённой во всём, что происходило в доме. Оказалось, что после смерти бабки, квартира досталась по наследству внучке-гулёне. Бабка, будучи ещё жива, ей отписала. Вот внучка и веселилась.

## Запах сирени

Андрей Иванович сидел за кухонным столом. Чай в большой, с одного боку надтреснутой кружке давно остыл, а он все сидел, прикрыв глаза и нахмутив брови, и как бы весь, сжавшись в комок. Какое-то подобие мыслей протекало в нем, но он вряд ли смог бы объяснить, о чем думал. Это скорее были не мысли, а оцепенение, состояние, отклик на навалившиеся на него события последних месяцев жизни.

Ему вспомнилась болезнь сестры. Эти долгие хлопоты возле нее, эти бессонные ночи и переживания. И её последняя, предсмертная ночь, когда она металась в постели и всё время просила её приподнять, как будто хотела что-то высмотреть впереди. Она затихла под самое утро, когда ему казалось, что не хватит сил дождаться утра, когда он тысячу раз пожалел, что отказался от помощи родственников и соседей.

Ему не хотелось ничто вспоминать, но какие-то отдельные картины выплывали из памяти, казалось, только для того, чтобы поддерживать вот это его мучительное состояние, в котором он уже пребывал второй день.

Выходные дни, призванные дать ему отдых, привели его в состояние безысходности. Тягостные предчувствия терзали его. Жизнь как бы по капле истекла из его души. Жизнь, которую он так любил и о которой так сожалел, потому что прошла она не совсем так, а скорее совсем не так, как ему хотелось бы, эта жизнь словно утекала по капле все эти выходные. И он, измученный бесконечно всплывающими картинками из прошлого, всплывающими помимо воли и сознания, только и ждал, когда всё уляжется в нем, и он сможет жить по-прежнему.

Он встал из-за стола, прошёл в общую комнату и прилег на диван. Было ощущение, что тело обессилено ныло, не желая ни шевелиться, ни жить. Андрею Ивановичу стало страшно. И этот страх, заползающий, казалось бы, в каждую клеточку его тела, заставил его встрепенуться и встать. Андрей Иванович включил телевизор и попытался смотреть какой-то сериал, но ощущение безысходности не проходило. Тогда он вспомнил, что ему надо бы заняться ремонтом газовой колонки. Выходные заканчивались, и идти завтра на работу, не приняв ванну, было для него неприемлемо.

Андрей Иванович во всю свою жизнь дома все делал сам, и, будучи человеком дисциплинированным, никогда не откладывал дела надолго. И если бы не это, не весть откуда накатившее на него состояние, занялся бы ремонтом ещё вчера.

Андрей Иванович принес с балкона сумку с инструментом и принялся за работу. Эту газовую колонку он помнил еще с юности и перебирал её с упрямой постоянностью, не желая менять на новую. Ремонт колонки продвигался быстро. Он еще позавчера купил ремкомплект, и поэтому, долго не думая, заменил все прокладки, где надо сделал подмотку. И разобрал и газовую часть, продул, прочистил и все смазал.

Когда ремонт был закончен, Андрей Иванович, открыв воду в ванной, зажег колонку, и некоторое время стоял, держа руку под струей воды и чувствуя, как она становится с каждым мгновением все горячее. Потом отрегулировал температуру воды, и стал набирать ванну. И ещё некоторое время сидел, удовлетворенно размышляя о том, что вот он сделал для себя хорошее дело. Долго собирался, но зато сделал доброту: нигде теперь даже не мокреет. А то приходилось кастрюльки подставлять под колонку. Теперь можно какое-то время пожить спокойно. Хотя, как знать. Если теперь радиатор не потечет. В прошлый раз, когда Андрей Иванович промывал его кислотой, он обратил внимание на одно подозрительное место. Там, где радиатор соединяется с переходной трубкой, пришлось развальцовывать её конец. А так как приспособления специального у него нет, то трубка в месте развальцовки чуть-чуть треснула, и Андрей

Иванович очень переживал, что в этом месте может быть течь. Но обошлось. И хорошо, если бы колонка теперь поработала, хотя бы год – другой без проблем.

Андрей Иванович не любил беспорядка в доме. Каждый выходной он себе находил работу по дому. В прошлый раз перебрал газовую печку, хотя она, в общем-то, и работала неплохо. Но он каждый краник перебрал, и перечистил, и смазал. И внутри печку пылесосом прочистил. В позапрошлый выходной на балконе разбирался, а то за зиму как-то все оказалось разбросанным. Не то чтобы уж очень сильно, но Андрей Иванович старался все ставить на свои места. Пустые банки накопились – надо было спустить в подвал. На полках в шкафу за зиму все перемешалось. Потому что, если и брал что либо, то ставил уже куда поближе, и неохота было по холоду свой немудреный скарб сортировать. Балкон, конечно, небольшой, стандартный, но Андрей Иванович в свое время сделал там с боков, во всю стену, капитальные шкафы, и добра там можно было сложить немеряно. Хотя какое у него добро, так всякая всячина. В основном как у многих, когда и выкинуть жалко и хранить хлопотно. И уж в тот раз Андрей Иванович многое не пощадил: вынес на мусорку. И старые светильники, и горшки цветочные, и учебники старые. И еще многое надо было бы вынести, да видно еще не пришло время полностью избавиться от жалости к старым вещам.

Андрей Иванович сходил в ванную попробовал, как вода. Ванна заполнилась наполовину. Андрей Иванович сложил инструмент в рабочую сумку, выбросил в мусорное ведро все не нужное, и тщательно протер столешницу. Осталось отнести инструмент на балкон и готовиться к приему ванны.

Андрей Иванович, ранее заядлый курильщик, уже более двух лет не курил. И иногда страдал от этого, потому что курение раньше заглушало в нем тоску. Потому что сам этот процесс представлял собой некое таинство, молитву. Он выходил на балкон, и совершал череду каких-то манипуляций, которые в общей совокупности своей, как бы отгоняли и предшествующие события, и предшествующий настрой мыслей и переживаний. Он доставал пачку сигарет, потом доставал из нее сигарету, обязательно разминал ее в руках, потом находил спички и прикуривал, и уже до первой затяжки как бы выдыхал из себя что-то. И уже рождался некий настрой: «Ничего, разберемся».

«Оттого так и трудно отказаться от вредных привычек», – размышлял Андрей Иванович – «потому что они убаюкивают совесть и отгоняют страх. Бросил курить, не стал с друзьями по выходным застолья устраивать, вот и мысли одолевают: для чего все было и что будет; отчего жизнь и для чего смерть».

Смерти Андрей Иванович уже как-то не боялся, если, конечно, предполагать естественную смерть. Вот жил-жил и устал. Лег, да и умер. И тогда смерть разве не благо? Да вот только много всяких если... Если бы не болея, да хлопот другим не доставляя, да если бы еще и понять для чего жил, хотя бы в узком человеческом понимании. Да если бы...

Андрей Иванович вышел на балкон и в нос ему ударил пьянящий запах сирени. Он любил этот запах и удивился, как это он мог пропустить тот момент, когда она распустилась.

Много лет назад Андрей Иванович посадил под балконом три куста сирени. Они со временем очень сильно разрослись, так что даже из соседних домов по вечерам приходили ломать сирень. Андрей Иванович только посмеивался: в этом году обломают, а на следующий год еще пышнее будет. А потом на первый этаж вселились другие соседи, и пошел скандал. Вот новая хозяйка хочет разбить палисадник, а сирень мешает. Он сначала сердился, что-то доказывал, расстраивался, а потом в один день смирился, и чтобы не развивать более склоку вышел, и вырубил все кусты.

Хозяйка с первого этажа повозилась один сезон с клумбой, да и бросила. А сирень через три года поднялась и вновь зацвела. И всегда пробуждал этот запах в Андрее Ивановиче и жажду жизни и надежду. Но сейчас этот запах только усугублял все нарастающее чувство безысходности.

Он постоял немного и пошёл купаться. И уже лежа в ванной, подумал, что не этот ли запах, просачивающийся в квартиру через открытую в общей комнате форточку, и породил в нем изначально внутреннее страдание. Запах сирени был для него запахом первой любви, запахом предвкушения безграничности жизни. И вот эта жизнь вдруг так просто и так незаметно приблизилась к завершению, так будто и не было ничего. Вот вчера он шел с букетом белой сирени на свидание, а сегодня уже нет в живых жены, нет сестры. И он один, и впереди только обрыв, и невозможность былого полета.

Он засыпал долго, все время мучительно всматриваясь в прошлое. И когда он, наконец, заснул, ему приснилось, что он идет по главной улице городка, неся перед собой огромный букет белоснежной сирени, и все оглядываются на него, и улыбаются ему. А впереди его ждет сияющая, юная красавица, будущая жена. И сам он молод, и удивительно счастлив. А потом он вдруг проваливается куда-то и летит с ощущением страшной боли в груди. Но летит навстречу своей юной будущей жене, и оттого и боль не лишает последнего ощущения счастья.

## Звёздное небо

Витька Чернов лежал на крыше и смотрел на звездное небо. Крыша летней кухни была двухскатной и довольно крутой, но в позапрошлом году отец пристроил к ней небольшую прихожую, и сделал над ней слегка наклонную крышу. И вот на этом переходе с крыши кухни на прихожую Витька и устроил свое лежбище, постелив при этом на шифер старое одеяло.

Сначала Витька поднимался по лестнице на фронтон, становился на отливную доску, переваливался через край крыши и полз по ней на свое место. Но полз он только из страха продавить шифер. А если бы он не боялся этого, то можно было смело ходить, потому что упасть на землю в этом месте было почти невозможно.

Несколько мощных ветвей абрикосы, почти касаясь края шифера прихожей, нависали над ней. Отец уже второй год грозился спилить абрикосу, потому что из-за нее постоянно подмокала в одном месте стена, но каждый раз жалел ее. Дерево, как бы предчувствуя свою кончину, обильно плодоносило.

«Дерево», – удивлялся отец, – «безмозглое. А такое ощущение как будто оно что-то понимает, что-то предчувствует. Столько лет родило лишь бы как, а тут на тебе опомнилось. Абрикос столько, что ветки ломаются. Надо было сразу спилить, когда ещё фундамент заливали. Всё думалось – потом спилю, не буду терять время и силы. Надо было главную работу успеть за сезон выполнить. А сейчас вот и рука не поднимается спилить это дерево. И мешает ведь. А глянешь на него – чудо чудом. И думаешь, пусть пока ещё порастёт».

Витька первое время, устроившись на своем месте, просто лежал и смотрел в небо на звёзды. Там, в таинственных глубинах неба, пытался он, напрягая всю свою фантазию, представить себе некую абсолютно иную, отличную от земной, жизнь. Ведь если так много звезд, то вокруг них обязательно должны быть планеты, и их должно быть гораздо больше, чем звезд, а, значит, вся вселенная должна быть населена. Бесконечное множество разумной жизни разлито по всей вселенной. А если звезды так похожи, то жизнь – она подобна, то есть там, в глубинах этой вселенной живут такие же, как он люди, только, быть может, более развитые. И он, Витька доберется до них, и посмотрит, как они живут.

Он еще не думал, как он доберется до далеких планет, но в своих самонадеянных мечтах он уже представлял, что он придумает нечто, отличное от современных медленных космических кораблей, и сможет перемещаться мгновенно. И тогда сумеет посмотреть все.

И однажды ночью ему приснился странный сон. Он видел над собою необычное звездное небо. Звезды на нем были крупными и яркими. Свечение их было удивительно белым и необычным. Даже если бы он очень захотел, он бы не смог объяснить, каково было это свечение, потому что он никогда не видел ничего подобного. Оно было ярким, но не слепило. Оно не слепило, но не было холодным. И вдруг боковым зрением он увидел приближение необычного космического корабля.

Витька оглянулся вокруг себя и вдруг понял, что стоит среди толпы людей. Он стал кричать им, пытаясь привлечь внимание, пытаясь показать им на корабль, но никто из окружающих его людей даже не обратил на него внимание. Они просто были заняты друг другом.

Витькино увлечение звездным небом только усилилось. Все летние ночи он просто пролежал на крыше, глаза на звезды, благо его никто не трогал. А днем отсыпался. Он жил в своем мире грез, и этот мир был для него нов и прекрасен.

Первое время родители ворчали на него, но потом свыклись с этим его пристрастием, и он был предоставлен сам себе. Но когда наступила осень, и надо было ходить в школу, Витькина страсть претерпела изменения. Теперь он пролеживал на крыше только в выходные, и ему уже захотелось не просто смотреть на звезды, но и что-то узнать о них. У старшего брата он

нашел книгу по астрономии, где была карта звездного неба. И теперь ночами он собирал звезды в созвездия. Но этому предшествовали некоторые события...

У старшего брата был чемодан, в который он прятал свой инструмент, какие-то детали и книги. Витьке было очень интересно посмотреть, что там. Брат не разрешал этого делать. Когда никого не было дома, Витька все же залез в этот чемодан, и все пересмотрел. Там-то он и нашел эту книжку по астрономии и забрал ее. Случился грандиозный скандал, потому что брат пожаловался родителям. Хотя, впрочем, скандалить было особенно не из-за чего. Ничего интересного, кроме обнаруженной книги, для Витьки в этом чемодане не было.

После скандала Витька ушел из дому. Он пошел в сторону железной дороги, помышляя о том, что было бы хорошо... Вряд ли он совершил бы что-то серьезное, но мысли об этом были.

Шел он очень долго вдоль железной дороги, в ужасно подавленном состоянии, и в какой-то момент услышал чье-то тихое скуление. Вскоре он обнаружил маленького щенка, кем-то живьем брошенного в придорожную канаву. И тут он почувствовал, что есть живое существо, которому хуже, чем Витьке, и которое действительно находится на грани жизни и смерти. Он поднял этого, едва живого щенка, прижал к своему уже продрогшему телу, и побрел домой.

Он принес щенка домой, устроил его за углом дома, и лег в постель, закутавшись с головой. Пришла мать, пощупала его ноги, и чем-то еще сверху укрыла Витьку.

Щенок оказался больным, и Витька бегал с ним в ветлечебницу, давал ему какие-то лекарства. И выходил щенка. Позднее, из него вырос хороший, дворовой пес. Забота о щенке на время отодвинула от Витьки все иные проблемы.

На какое-то время его снова оставили в покое, и он, предоставленный сам себе, пока все допоздна сидел у телевизора, лежал на крыше, и собирал звезды в созвездия. Или мечтал, как он, Витька, улетит к дальним галактикам, и там встретится с инопланетянами, и они научат его чему-нибудь сверхъестественному. Всё сверхъестественное сводилось у него к чтению мыслей, возможности видеть сквозь стены или мгновенно перемещаться в пространстве.

Однажды осенью, взбираясь на крышу, Витька поскользнулся на мокрой отливной доске и за малым не упал с крыши. После этого он уже не лазил на крышу, а приспособил себе под лежбище старую тачку, которая всегда стояла под навесом. Он выкатывал ее, застилал одеялом, и, укрывшись старым отцовским пальто, полулежал в ней, пока не чувствовал, что уже замерзает. Только тогда он заходил домой.

Внешняя жизнь существовала как бы сама по себе, не затрагивая Витьку, и ему хотелось думать, что так будет всегда. Он с удовольствием учил только те уроки, которые давали хоть небольшой толчок его фантазиям, его неумеренному стремлению к необычному. Там, где приходилось просто запоминать, ему становилось скучно. На таких уроках он представлял себе новые созвездия, походившие на каких-то немыслимых животных, или приобретающие очертания каких-то предметов. И случилось то, что и должно было случиться. Родителей вызвали в школу.

«У вас очень сообразительный мальчик», – говорила классный руководитель отцу Виктора. «Порой он все просто схватывает на лету, но он абсолютно не любит учиться. Если бы он полностью использовал свои способности, то, думаю, смог бы учиться на отлично. А так, вот посмотрите...» И она показала отцу журнал. Там пятерки чередовались с двойками.

А Витька сидел и думал о том, что он хочет выбирать из внешнего мира лишь то, что ему близко. И почему он, Витька, должен изучать то, что неинтересно. И почему он не может спрашивать других о том, что для него важно.

Дома произошел долгий и неприятный разговор, и Витьке пришлось дать обещание, что он подтянет учебу, и больше не будет ночами «сидеть на крыше», как выразился отец, подразумевая под этим пустое времяпрепровождение.

Теперь вечерами Витька уныло сидел за учебниками. Учебу он подтянул, но с некоторого времени жизнь для него превратилась в кошмар, потеряв всякий смысл, всякую привлекательность.

Если существует только эта жизнь, и более ничего нет, рассуждал Витька, то зачем жить? Тем более что эта жизнь не сулит ничего хорошего. В быту, сплошная суета взрослых, скандалы. В школе полнейшее невнимание и не понимание.

Жизнь стала представляться Витьке полным кошмаром, и он начал помышлять о мести взрослым. Он мечтал, что вот он умрёт, и посмотрит, как они при этом будут себя чувствовать. И в какой-то момент ему показалось странным, что в нем присутствует ощущение после смертной жизни. Но было и ощущение, что окружающий мир не любит его, выталкивает из земного существования.

Витька почти всю ночь лежал и размышлял о том, что жизнь очень несправедлива, что вот он ведь никому не мешал, когда ночами лежал и смотрел на звезды. А его лишили этого. Да! Он не смог бы никому объяснить, о чем он мечтал, о чем думал. Все это происходило больше в сфере ощущений. Но ощущения эти были настолько прекрасны, настолько объемны, что жизнь для него сейчас теряла свою значимость, свои краски. Жизнь, имевшая до этого необъятную широту, вдруг скомкалась, съежилась, уменьшилась в пространстве настолько, что он сам вдруг превратился в маленького никчемного человечка, который, оказывается, никому не нужен. И от которого, единственное, что нужно другим – это чтобы он хорошо учился. И все. А потом он вырастет, и единственное, что от него будет нужно другим – это чтобы он хорошо работал. И все. И весь смысл. И теперь только он понял, почему так долго вглядывался в звезды, что там искал, и что, казалось ему, мог найти. Глядя в глубины звёздного неба, он как бы задавал себе вопрос: кем и для чего? Маленькой капелькой, вжавшейся в мир, он пытался искать больший смысл, чем давала ему обыденная жизнь. Он хотел знать, для чего он есть, и для чего есть все. И об этом знании он порою просил кого-то неведомого, глядя на звезды. И сейчас, он лежал с открытыми глазами, и вглядывался в темноту, и, как бы, пытался увидеть там кого-то, у кого можно было бы попросить помощи.

И однажды под утро Витька проснулся от ощущения, что кто-то толкает его в плечо. Рядом никого не было. Неожиданно он увидел на стене напротив кровати цветную живую картину. Она была разбита на бесчисленное множество маленьких, каждая из которых жила собственной жизнью. В каждой пульсировало как бы множество цветных жилок. Каждая из картинок жила своей собственной жизнью и пульсировала в отдельном направлении. Столько разного цвета одновременно Витька еще никогда не видел. Потом эти пульсирующие цветные картинки преобразились, и вся картина превратилась в одно цельное цветное и живое панно, в котором каждая живая цветная клеточка как бы жила, пульсировала, переливалась отдельно, и в то же самое время вся картина была живой и цельной.

Витька долго смотрел на это чудо, пока снова не заснул. Он два дня мучительно думал над происшедшим, а так как он ничего не смог понять и объяснить себе, а спросить, у кого бы то ни было не хотел, из опасения быть осмеянным, то на третий день им просто овладел страх перед тем неведомым, которое неожиданно свалилось на него. Он боялся ночью остаться один в темноте. Он кричал ночами от ужаса. Он чувствовал присутствие чего-то огромного, необъяснимого, неподвластного его, Витькиному пониманию.

Как только гас свет, и устанавливалась тишина, он начинал, как бы ощущать присутствие какой-то силы, для которой не было преград. Ни стены, ни замки, ни решетки, ничто не могло защитить от присутствия этой силы. Только свет и внешнее движение.

Но каждую ночь темнота опускалась на дом, и ужас продолжался. Случилось, даже, что мать однажды выгнала его раздетого на улицу, в снег, и ударила, но ни боль, ни холод не были для него страшнее темноты.

Мать повела Витьку к врачу. В приемной она рассказала о нем какой-то медсестре, и та сказала, что Витька просто трус, и врач тут не поможет. Из-за этой глупой женщины, которая не знала происхождения его страха, он замкнул страх в себе. Он не кричал ночами вслух, но он кричал внутри себя. И это было гораздо ужаснее, потому что теперь он никогда не мог рассчитывать на чью-либо помощь. А он нуждался в этой помощи. Он нуждался в человеке, который приоткрыл бы ему, хотя бы чуть-чуть, тайну происхождения той силы, с которой он столкнулся.

В долгие ночи Витька понял, что страх – это отсутствие Знания, что страх – это отсутствие Любви. Но никто среди людей не мог дать ему Знание, никто не мог дать ему Любви. Оставалось только ждать и бороться со страхом самому.

Витька весь ушел в себя, напряженно переваривая свой страх, живя в нем всем своим существом. Он снова стал плохо учиться, и однажды отец избил его, утверждая, что у него уже нет сил, бороться с Витькой словами.

И так продолжалось долго. И уже поздней весной, Витька приноровился вечерами сбегать из дому. Он часами бродил по вечернему городу, примыкая к различным группкам людей, слушая, что они говорят, глядя на то, что они делают. Удивительно, но говорили они и делали, как правило, что-нибудь отвратительное. Если это были парень и девушка, то они в укромном месте возились в кустах. Если это были парни, то они дрались. Причем дрались жестоко, до крови. Однажды он видел, как один из них выхвалялся в компании своей новой финкой. «Вот эти зубчики», – объяснял он, – «для того, чтобы рана была больше, а эти канавки для стека крови».

Внешний мир стал казаться Витьке агрессивным и отвратительным. Этот мир произрос из темноты, и жил в темноте, не давая Витьке и малейшего шанса выйти к свету.

И неизвестно, как долго бы всё это продолжалось, но вначале осени к ним в класс пришла новенькая. И Витька неожиданно влюбился. И мир наполнился красками, смыслом и добротой.

Однажды уже в середине осени, взобравшись на крышу, и глядя в звездное небо, он вдруг почувствовал, как все его внутреннее существо начало расширяться, сливаясь с окружающим миром. Было какое-то предчувствие общности всего происходящего, значимости любого явления жизни. Он как бы ощутил себя единою частичкою этого безграничного целого. И страх уже никогда не возвращался к нему.

## Измена

Отец с сыном сидели на кухне и разговаривали. Разговор получался не из приятных, и оба заметно нервничали. Отец крикнул: «Мать, принеси бутылку водки». Та, заглянув на кухню, попыталась возражать, но отец зло прикрикнул на нее, и она покорно достала из шкафчика бутылку. Потом подложив мужу и сыну в тарелки пельменей, вышла из кухни, тревожно прислушиваясь к продолжившемуся разговору.

«Ты знаешь, я всегда помогал ей. Я никогда не чурался стирать пеленки, даже ее вещи, если видел, что она не успевает. Мог и приготовить поесть. Мог и убрать. Но где-то должен быть и предел. А когда это входит в систему – это уже ненормально. И потом это хорошо, когда это оплачено вниманием и заботой в чем-то другом. А когда это воспринимается как норма, и от тебя еще требуют выполнения, и не просто выполнения, а идеального выполнения и любой работы, то тогда этот нонсенс».

«Жертва ради близких людей – это норма», – сказал отец», – «ждать какой-то оплаты – это и есть нонсенс».

«Не передергивай», – взорвался сын – «ты прекрасно понял, о чем я говорю. Когда человек, который рядом ведет себя так, как будто ты бесплатное приложение к его жизни, как будто ты ничто, как будто он приходит домой не как в святое место, а как в общежитие, только для того, чтобы пожрать и переспать, тогда это не семейная жизнь, а полная труба. Ты понимаешь, что мы уже полгода так живем. Я пытался по-всякому решить этот вопрос, пытался вызвать ее на откровенность. Ничего не получается. Она начинает говорить о том, что я все выдумываю. Что у нас все нормально и прочее, и прочее».

«Я. Я. Я.», – завелся отец. «Ты не замечаешь, что ты все время якаешь. Жизнь у вас изменилась. Она вышла на работу. Может быть, устает сильно. В чем-то можно и помочь, а где-то можно и перетерпеть».

«Можно», – отозвался сын, – «если знать, что человек, который рядом с тобой не подличает, не лицемерит и не лжет, глядя тебе в глаза».

«Так», – сказал отец, – «если ты с ней не хочешь жить, то уходи. Нечего морочить голову себе и другим».

«Во-первых, куда?» спросил сын, – «вас тут и так куча мала. А во-вторых, мой уход не оправдан перед окружающими. И так жить я не могу больше. Мне нужна рядом женщина, которая будет меня ценить и уважать».

«Э, куда хватил», – усмехнулся отец, – «ценить, уважать. Эти вещи с себя начинать надо».

Сын ничего не ответил. Выпил налитую рюмку, давая понять, что разговор окончен.

«В любом случае», – подытожил разговор отец, «бить ее тебе никто права не давал».

«Я ее и не бил», отозвался сын, – «только замахнулся».

«Она сказала, что ты ее ударил», – сказал отец, стукнув кулаком по столу.

Мать вбежала в кухню, со страхом поглядывая то на отца, то на сына. Разговор был окончен. Сын встал, чтобы уйти.

«Сынок», – сказала мать, – «я там тебе собрала сумочку. В прихожей заberi. «Уже идя по улице, он все еще продолжал мысленно спорить с отцом. «Ты еще не знаешь, что она последние полгода и спит со мною от случая к случаю. И то по обязанности. С резиновой куклой и то, наверное, было бы лучше спать. По крайней мере не чувствовал бы себя обманутым. Как можно жить с человеком, который на людях прижимается к тебе, ластится к тебе, а наедине ведет себя, как будто тебя нет рядом. Мерзкое, подлое лицемерие».

И мало того эта женщина на людях как бы наслаждается, что ты из-за ее лицемерия выходишь из себя, злишься. Она всеми силами пытается убедить всех, что вот она хорошая, и ласковая ко мне, и внимательная, а вот я полное дерьмо. Что это я на пустом месте строю невесть

что, и что это я источник зол, что это я все выдумываю о ней. А она вот такая замечательная, хорошая, безгрешная.

Да лучше бы она открыто все сказала, как оно есть, чем так подличать, так лицемерить. Тогда бы я принял окончательное решение. И предпринял бы шаги к устройству собственной жизни. Ведь это подлю, когда тот, кто рядом ведет долгую двойную жизнь, и не дает тебе возможности устроить жизнь собственную.

Да и не так-то оно и просто завести совестливому человеку пассиву на стороне. А любовь явление редкое, пугливое и к зависимому человеку приходит с большой неохотой.

Может и правда, уйти на квартиру, пожить одному годик другой, да подождать эту вольную птицу. Так вот ведь и не все чувства к жене улеглись. Ещё кроме досады, горечи и злости, еще и надежда, и желание любить ее живет в душе. Хоть бы как-то откликнулась, хоть бы как-то отозвалась. И воспрянул бы, и делал бы для нее все с охотой, и любил бы ее как прежде».

Он не заметил, как разошелся и начал говорить вслух. Какая-то встречающая женщина шарахнулась от него. Только тогда он опомнился и немного успокоился.

«Хорошо, что мы отправили сына к теще», – продолжал размышлять он. – «Быть может, удастся нормально поговорить, и наладить отношения». Ему всё ещё хотелось верить, что он не прав в своих подозрениях. И он размышлял о том, что, всё наладится, и не надо будет никуда уходить, не надо будет пытаться начинать все сначала.

Уже подойдя к своей квартире, он услышал внутри её очень громкий разговор. Какая-то женщина что-то кричала. Прислушавшись, он все понял.

Резко толкнув дверь в квартиру, которая оказалась открытой, он ворвался вовнутрь, и, оставив сумку в прихожей, быстро прошел на кухню. Протолкнувшись через постороннюю женщину к своей жене, он со всей силы ударил ее в лицо, вложив в этот удар всю свою боль, всю свою обиду, всю свою злость на нее, за несбывшиеся надежды свои, за теперь уже явно невозможную жизнь свою, ранее казавшуюся устроенной и благополучной. Жена отлетела в сторону и, ударившись о холодильник, сползла на пол, и оттуда со страхом смотрела на него. Он разгоряченный, взбешенный, ринулся к ней с одним только желанием бить ее, бить до изнеможения. Он не чувствовал ничего, кроме никчемности и жены, и собственного я, и всей жизни. Женщина, оказавшаяся очень юркой, ловкой, подвижной, кинулась ему наперерез, и, обхватив его всем телом, загородила дорогу. Они чуть не упали на пол. Он в ярости попытался оттолкнуть ее, но она так плотно прижалась к нему, что он не смог этого сделать. А она, прижавшись к нему всем телом, начала гладить его по спине и шептать: «Тихо, тихо. Убьёшь ведь». Он сник, притих, а она все продолжала и продолжала гладить его по спине, и по рукам. А потом, увлекая его за собой, сказала: «Пойдем отсюда».

Жена все еще продолжала сидеть на полу, с ужасом наблюдая за происходящим. Женщина, наклонившись к ней, и, ощутив лицо, спросила:

«Челюсть цела?» Та молча кивнула головой.

До самой ее квартиры женщина что-то без умолку говорила, и все время держала его за руку. Он смутно понимал, что она говорит. Но ему был приятен и ее голос, и ее прикосновения.

«Муж забрал дочку, и сбежал к маме,» – сказала она, когда они вошли в ее квартиру. Она быстро накрыла на стол. Они немного перекусили, немного выпили, и потом, неожиданно друг для друга, как два изголодавшихся по близкому общению человека, проговорили до поздней ночи, рассказывая друг другу все о своей жизни. И женщина, чувствуя, что она с каждым мгновением нравится ему все больше и больше, все время норовила прикоснуться к нему, то рукой, то грудью, когда подавала что-нибудь.

В какой-то момент они оба решили, что пора отдыхать, и женщина пошла купаться. Вышла она из ванной в легком просвечивающем халатике на голое тело, нарочито расстегнутым внизу.

Увидев ее, он обомлел, и ему страстно захотелось прижаться ней, ласкать ее стройное упругое тело. Он встал к ней навстречу, а она, улыбнувшись ему, обняла его, прижалась к нему всем телом. И он с жадностью начал ласкать ее. Но она мягко оттолкнула его и тихо сказала: «Не спеши. Там в ванной я положила тебе чистое белье. Новое».

Он купался долго, с наслаждением, как бы смывая с себя прошлую, неустроенную внутреннюю жизнь. Чувствуя, как новые надежды наполняют его сердце, он плескался как ребенок. Потом долго обтирался и, переодевшись во все чистое, только тогда увидел, что пол в ванной сильно забрызган водой. Женщина, заглянув к нему, сказала: «Проходи в комнату я подотру здесь». Он прошел в комнату и, увидев книжный шкаф, начал рыться в книгах, неожиданно обнаружив там те книги, которые были ему интересны.

«Это моя библиотечка», – услышал он голос женщины. Обернувшись на ее голос, он увидел ее обнаженной, стоящей возле кровати. С минуту он стоял, зачарованно глядя на нее. Она, уловив его восхищение, счастливо рассмеялась и нырнула в постель.

## **Неосторожная откровенность**

В последнее время Елена чувствовала необычный душевный подъем. Ей чудились радужные перспективы. Последние перемены в ее жизни настроили Елену на мечтательный лад, и она полностью подчинилась этому настроению. Мечты о возможном прекрасном будущем ее семьи, буквально окрыляли ее, придавали ей силы, лишая усталости и сна.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.